

Сергей Журавлёв

Пока больше вопросов, чем ответов

Sergey Zhuravlev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

So far more questions than answers

DOI: 10.31857/S086956870004491-1

Статья Р.Г. Пихои «О периодизации системного кризиса Советского Союза» помимо прочих достоинств хороша тем, что чётко структурирована и даёт возможность, отталкиваясь от заявленной темы, в заданном автором ключе продолжить дискуссию о центральных вопросах поздней советской истории. Это особенно важно в условиях идущей полным ходом в Институте российской истории РАН работы над многотомной историей России. Однако предложенный взгляд вызывает многочисленные вопросы.

Из изложения можно заключить, что СССР в течение почти 15 лет — примерно с 1977 и вплоть до 1991 г. — находился в состоянии системного кризиса. Это центральная характеристика, сквозь призму которой автор предлагает рассматривать основные процессы позднесоветской истории. Не возражает он и против такой активно критикуемой исследователями в последние годы оценки ситуации в СССР, как «застой». Другие присутствующие в историографии термины, например, «трансформация», автор не использует¹.

О периодизации. В рамках темы выделены пять основных периодов (внутри них есть ещё этапы): 1) конец 1970-х — начало 1980-х гг., 2) 1982 — начало 1985 г., 3) апрель 1985 — конец 1986 г., 4) рубеж 1986—1987 — апрель 1989 г. 5) май 1989 — 1991 г. Такая периодизация в принципе не вызывает возражений. Её критерии понятны, она принята в историографии. Расширение хронологических рамок «системного кризиса» позволяет глубже понять истоки и причинно-следственные связи проблем периода перестройки. Вместе с тем такая периодизация не кажется оптимальной. Более того, нетрудно заметить, что она не вполне соответствует и логике изложения самого Р.Г. Пихои. Он верно обращает внимание на существенную разницу *в сути и в темпах перемен* до и после начала перестройки: «Время, медленно текшее в 1970-х гг., вдруг понеслось... перемены, наметившиеся тогда, стали стремительно нарастать в 1980-е гг.». Тем самым напрашивается вывод о наличии водораздела между преддверием, подготовительным этапом кардинальных перемен, и собственно временем радикального реформирования страны при М.С. Горбачёве. Однако в дальнейших рассуждениях автора эта мысль развития не находит. Стоит также обратить внимание на то, что многие специалисты не без основания считают 1985 год этапным в отечественной истории². Кроме того, в готовящемся проекте многотомной истории России перестройка анализируется не только в контексте кризиса советской системы, но и как самостоятельный исторический феномен, тесно связанный с личностью последнего советского лидера.

¹ Хотя Р.Г. Пихоя заявляет, что отказывается от рассмотрения историографии, её элементы в той или иной степени в статье присутствуют. Думается, отсылка читателей к обобщающим работам (например, Д.В. Маслова, В.В. Журавлёва, А.В. Шубина и др.), напрямую относящимся к теме кризиса советской системы, могла бы быть полезной.

² Так, В.В. Согрин и А.С. Барсенков именно с 1985 г. начинают отсчёт современной истории России (*Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985—1994: от Горбачёва до Ельцина. М., 1994; Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985—1991 гг. Курс лекций. М., 2002; и др.*).

Если принять во внимание вышесказанное, то видно, что выстраивание в один ряд пяти периодов нивелирует принципиальную разницу между ситуацией до и после начала перестройки. Более удачной и соответствующей историческим реалиям представляется периодизация с первичным выделением двух основных этапов: до 1985 г. (сюда попадают два первых периода, предлагаемых автором) и после (три периода).

Об отправной точке системного кризиса СССР. Автор предлагает взять за точку отсчёта Конституцию 1977 г. Он обосновывает это тем, что определяющим в коллапсе советской системы был идеологический фактор, а новый основной закон как раз, по его мнению, отразил кризис коммунистической идеологии (концепция «развитого социализма» вместо курса на строительство коммунизма, вынужденное признание темы прав человека в соответствии с обязательствами по Хельсинкскому акту 1975 г. и др.). Важность идеологического фактора, конечно, нельзя недооценивать. Вместе с тем и переоценивать его тоже не стоит, так как, бесспорно, нарастал кризис идеологии, выражавшийся и в том, что риторика расходилась с реальностью и приобретала ритуальный характер. Это хорошо видит и сам Пихоя, который отмечает «нарастание идеологической индифферентности в обществе, граничившей с цинизмом, поиск ценностных ориентиров не в “коммунистическом завтра”». Уместно вспомнить и о том, что последний период кризиса прошёл под знаком отказа М.С. Горбачёва, А.Н. Яковлева и других советских руководителей от коммунистической идеи в пользу социал-демократической модели.

Что касается трактовки Конституции, то это был противоречивый по содержанию (о коммунизме в ней всё же говорилось), декларативный документ, зафиксировавший как реалии (например, руководящую и направляющую роль КПСС), так и демократические нормы, присутствовавшие только на бумаге. С учётом вышесказанного опора на Конституцию — как и вообще на любую конкретную дату как на точку начала системного кризиса СССР — выглядит проблематичной. Поскольку кризис это процесс, а не событие, видимо, имеет смысл выделять определённый период с учётом пересечения нараставших негативных тенденций в идеологии, политике, экономике и других областях жизни общества. По этим критериям, если следовать логике автора, лучше всего подходит конец 1970-х гг.

О методологических подходах и акцентах. Р.Г. Пихоя справедливо отделяет обычный кризис (его он считает нормальным состоянием любой системы, способствующим её развитию) от системного, ведущего к разрушению. Однако главный вопрос — о критериях, по которым можно судить о переходе «нормального» кризиса в качественно иное состояние, — остаётся открытым.

Обратим также внимание на то, как названа статья. В ней речь идёт о системном кризисе не в Советском Союзе, а именно самого Советского Союза, т.е. о кризисе советской системы власти. Как известно, одну из своих книг об истории позднего СССР, написанную совместно с А.К. Соколовым, в которой изложение начинается с конца 1970-х гг., Р.Г. Пихоя назвал «Кризис коммунистической власти в СССР», имея в виду, что именно такой тип кризиса оказался решающим в распаде идеологизированного государства³. В статье повторяется этот тезис, но одновременно автор расшифровывает понятие «системный кризис СССР» или «кризис советской системы» как *комплексный кри-*

---

³ Соколов А.К., Пихоя Р.Г. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008.

зис. Последнее особенно хорошо видно, когда при оценке кризисных явлений звучит справедливый призыв автора учитывать совокупность политических, экономических, идеологических, социальных факторов, международных и международных проблем. Однако далее в статье при характеристике пяти периодов кризиса комплексный анализ строго не выдерживается.

Знаком по прежним работам и подход автора к оценке исторических событий преимущественно с точки зрения истории власти. Состояние общества, взаимоотношения общества и власти на разных этапах кризиса, к сожалению, не рассматриваются. Не даётся в полной мере и оценка деятельности руководителей, хотя зависимость от личных качеств «вождя» — одна из важнейших характеристик советской системы власти.

Неизбежно ли системный кризис ведёт к распаду страны? Постановка этого вопроса — одна из наиболее важных методологических новаций статьи. На него даётся утвердительный ответ. При этом, по мнению автора, зависимость между системным кризисом и распадом государственности имеет универсальный характер: «Системный кризис... это сочетание кризисных явлений, которое приводит к гибели системы», «системным кризисом может считаться только тот, в процессе которого разрушается система».

Рискну поставить под сомнение утверждение о детерминированности распада страны вследствие системного кризиса, в том числе в XX в. Очевидный пример — глубочайший системный кризис, в котором оказалась большевистская власть к началу 1920-х гг. вследствие Гражданской войны и политики военного коммунизма. Однако он не привёл к утрате государственности советской России. Напротив, выход из кризиса сопровождался созданием СССР, что, наряду с введением нэпа, способствовало укреплению системы. Справедливо это и для других стран. Так, США вышли из тяжелейшего системного кризиса конца 1920-х — 1930-х гг., получившего название Великой депрессии, с огромными издержками, но без разрушения государственной системы. Более того, американской политической элитой из этого кризиса были извлечены важные уроки, ставшие основой реформ в направлении усиления влияния государства в социально-экономической сфере («новый курс» Рузвельта).

Почему в СССР история пошла по иному сценарию — тема для дальнейших дискуссий. Очень важно, по-моему, уже то, что Пихоя поднимает проблему жизнестойкости государственной системы — её ослабления и распада или, напротив, мобилизации в критических условиях с последующим преодолением кризиса. Думается, в кризисных условиях особую роль приобретают психологическое состояние общества, способность правящего слоя к консолидации для удержания власти, наличие популярного национального лидера и др. Здесь, вслед за В.П. Булдаковым, можно было бы найти немало аналогий перестройки с революционной эпохой⁴.

О преемственности отечественной государственности и отождествлении СССР с Россией. Р.Г. Пихоя пишет: «Под системой я понимаю Советский Союз как идеологически организованную форму государственной власти в России», «перемена политической власти не означала прекращения существования страны», «Россия была основой Российской империи, Советского Союза». Мне кажется, здесь присутствует подмена понятий, направленная на то, чтобы провести мысль: ничего страшного вследствие событий 1917 и 1991 гг. не произо-

---

⁴ Подробнее об этом см., например: *Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления.* М., 2007.

шло, так как сохранилась преемственность российской государственности. Тем не менее СССР во всех отношениях — это, конечно, и не Российская империя, и не современная Российская Федерация. Присутствующий же в статье акцент на том, что «Россия — становой хребет СССР», наводит на размышление об особой, не сравнимой с ролью Украины, Грузии или Прибалтики, ответственности руководства РСФСР за распад Союза.

О содержании и времени наступления системного кризиса СССР. Под ним предлагается понимать «совокупность кризисов основополагающих характеристик советской системы — экономической, политической, социальной, идеологической и ряда других». Наличие кризисных явлений в этих областях нередко принимается за аксиому, за исключением ситуации в идеологии и экономике, о которых в статье говорится подробнее. «Свидетельством начавшегося системного кризиса СССР во второй половине 70-х гг. стало радикальное — практически в два раза — ухудшение основных экономических показателей страны... обозначившее устойчивую тенденцию к нарастанию экономического кризиса». В доказательство приводятся такие цифры: за пятилетку 1976—1980 гг. ежегодный прирост промышленной продукции составил в среднем 4,4%, а в 1981—1985 гг. — 3,7%. Выходит, что рост производства за 10 кризисных лет (1976—1985) составил более 40%. Многие современные экономисты могли бы гордиться такими темпами. На мой взгляд, ситуация в позднем СССР отличалась крайней противоречивостью, проблем действительно хватало — начиная от провальной идеологической сферы, запущенной кадровой политики до падения темпов развития экономики, проблем с производительностью труда и внедрением инноваций, и заканчивая ситуацией на потребительском рынке. С другой стороны, вряд ли можно говорить о наличии в это время полномасштабного кризиса в таких областях, как ВПК, космическая отрасль, образование, наука, культура, социальное обеспечение, уровень жизни населения.

К началу перестройки ситуацию вряд ли можно было назвать «системным кризисом». Таковой характер она приобрела лишь после 1987—1988 гг., когда, как верно отмечается автором, наступил перелом к худшему: «социалистическая экономика “вошла в точку невозврата”, оказалась, по существу, разрушенной». Хотя такая характеристика относится, конечно, не только к экономике. Она подтверждается и введенной ныне в научный оборот синхронной аналитикой советологических служб, внимательно отслеживавших ситуацию: до указанного времени критическое состояние не фиксировалось.

О причинах и результатах системного кризиса. При характеристике последних лет существования СССР Р.Г. Пихоя отдаёт предпочтение фактологии, порой оставляя читателя в неведении относительно собственных концептуальных оценок событий тех лет. Это даёт мне основание предложить на обсуждение свою точку зрения о причинах системного кризиса.

В конце советской эпохи наблюдалось наложение нескольких факторов и тенденций, что в итоге вызвало кумулятивный эффект. В некоторых сферах (прежде всего потребления) ситуация была доведена «до края» вследствие годами не решавшихся проблем, усугублённых ошибками реформ. «Проклятьем» стали высокие цены на нефть: нефтедоллары позволяли до поры наполнять бюджет, выполнять социальные обязательства, покупать за границей зерно и не отставать в гонке вооружений. Они поддерживали иллюзию стабильности и благополучия, камуфлировали нарастание проблем, о которых, в отличие от рядовых людей, власть была хорошо осведомлена. Результатом стало недо-

пустимое затягивание начала реформ, связанных с потребностями очередной модернизации, приведения экономической и политической системы в соответствие с вызовами времени. До последнего сдерживал реформирование и идеологический догматизм, препятствовавший демократизации в политике и экономике, активизации материальной заинтересованности и рыночных механизмов.

Запущенность проблем и нарастание бюджетного дефицита, вызванного обрушением мировых цен на нефть в середине 1980-х гг., вынудили руководство СССР к спешным и радикальным действиям, причём одновременно в политической и экономической областях, сочетательный эффект от которых был плохо просчитан. Последствия оказались крайне противоречивыми. Произошло немало позитивных перемен (демократизация политической системы, идеологическое раскрепощение общества), но в финансово-экономической и потребительской сфере для большинства населения наступила катастрофа. Утрата привычной стабильности, инфляция и стремительное скатывание к хаосу обусловили психологическую готовность следовать наиболее простым, быстрым и радикальным рецептам решения сложнейших проблем. Ситуацию усугубляло то, что политики «играли с огнём», стремясь в борьбе с оппонентами заручиться поддержкой легализовавшихся националистических и сепаратистских движений.

Центральной целью политической оппозиции стала победа над «системообразующей партией» — КПСС, что рассматривалось как важный шаг на пути разрушения советской государственности. Именно демонтаж политической и экономической систем считался тогда гарантией от возвращения к прежним порядкам. При оценке ситуации тех лет мы, однако, порой забываем, что вставший в конце 1980-х гг. на путь парламентской демократии, многопартийности и признания частной собственности СССР являлся уже совершенно иным государством, нежели в сталинский или брежневский периоды. Однако фатальной неизбежности распада, на мой взгляд, не было. Решающую роль в этом процессе сыграли союзные и республиканские элиты, поставившие свои властные амбиции и материальные интересы в условиях бурно наступавшего рынка выше интересов государства и его граждан.

А что же Конституция 1977 г.? О её нормах в чрезвычайных обстоятельствах предпочитали не вспоминать, ведь конституции пишутся не для ситуации системных кризисов.